

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-704-714

Справедливость как критерий оценки «качества» городского пространства (и счастья его жителей)*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Статья представляет собой рецензию-размышление по мотивам книги Д. Харви «Социальная справедливость и город» (М.: Новое литературное обозрение, 2018). Хотя социальная справедливость заявлена в названии работы, исследователь вопросов справедливости, скорее всего, будет разочарован: в тексте она выступает скорее как рефрен политэкономического анализа пространственной организации городов, но его результаты действительно заставляют читателя рассуждать в терминах «справедливости — несправедливости». С другой стороны, такое рассмотрение справедливости и эклектичность текста оказываются его достоинствами для исследователей социального благополучия: если место жительства — критерий удовлетворенности жизнью, то «качество» места жительства (в том числе справедливое городское планирование и тип социальной дифференциации городского пространства) не может не оказывать влияние на социальное благополучие, что автор убедительно демонстрирует применительно и к либеральному, и к социалистическому (в его терминологии) дискурсам, но все же отдавая предпочтение марксистской методологии, дополненной рядом других концептуальных инструментов социально-пространственного анализа.

Ключевые слова: социальная справедливость; урбанизм; городское пространство; социально-пространственная дифференциация; теория города; междисциплинарный подход; социальное благополучие; счастье

В последние годы в России публикуется все больше переводных работ по социальным наукам, которые становятся доступны российскому читателю со значительным временным отставанием [см., напр.: 2; 5]. Один из ярких тому примеров — книга Э. Бэнфилда «Моральные основы отсталого общества» [1], с момента выхода которой прошло более шести десятилетий, а описывает она положение вещей в крошечном сельском фрагменте итальянской жизни 1955 года. Критически настроенный читатель может воспринимать подобные тексты лишь как исторические зарисовки, но они важны для социолога, поскольку подтверждают и поразительную устойчивость многих социальных практик, и нерешенность множества методологических проблем теоретического и эмпирического

* © Троцук И.В., 2020.

Статья поступила в редакцию 15.04.2020 г. Статья принята к публикации 22.05.2020.

поиска, и долгую историю кристаллизации популярных сюжетов исследовательской работы, и эвристическую живучесть классических концепций, которые переживают все новые витки бурного к ним интереса даже после периодов жесточайшей критики и почти полного забвения.

Все перечисленное в полной мере соответствует книге Дэвида Харви: наши города продолжают быть поразительно социально-дифференцированными пространствами; у нас до сих пор отсутствуют универсальные познавательные инструменты для изучения городской жизни, сбалансированно сочетающие географический, социологический и политологический подходы; удивительно, что уже полвека назад в урбанистике было востребовано понятие социальной справедливости; что, впрочем, неудивительно, если проводить анализ городского пространства посредством сочетания социологического и географического воображения с принципами марксистского подхода. Однако это не означает, что в ряде положений книга не устарела, хотя ее концептуально-методологический крен определил ее достаточно вневременный характер (вряд ли когда-либо марксистский подход перестанет быть интересен в критическом или апологетическом ключе). Но все же не соответствующие нынешним реалиям утверждения в книге редки: например, автор отмечает, что малоимущие жители центра города не могут пользоваться источниками занятости в пригородных зонах, что приводит к росту безработицы в центре, однако сегодня центры городов стали настолько дорогими для жизни, что в них вряд ли остались малоимущие, и пригороды сегодня стали дифференцированными — загородные дома богатых людей и рабочие районы окраин занимают разные зоны пригородного жилого пространства.

Заявленная в названии книги и третьей главы социальная справедливость несколько дезориентирует читателя, если он привык к иной структуре и содержанию как работ, декларативно посвященных справедливости (например, уровням проявления идеи справедливости в обществе [10], исторической реконструкции форм справедливости как сочетания моральных и правовых норм [4], критике теорий социальной справедливости, что ищут ее идеал вместо сравнительного анализа жизненных реалий и борьбы с несправедливостью [6] и т.д.), так и работ, в которых идея справедливости упоминается как один из сюжетов (например, как ценность, соответствующая определенному образу жизни, т.е. общества различаются видами неравенства и насилия, которые считаются в них справедливыми) [3]. Несмотря на упоминание социальной справедливости в названии, книга Харви — пример скорее второго подхода: справедливость в ней выступает как рефрен критического анализа пространственной организации капиталистических городов, в ходе ознакомления с результатами которого у читателя не может не возникнуть мысль о том, сколь эта организация несправедлива, и автор подталкивает его к такому марксистскому выводу — о невозможности социальной справедливости в капиталистическом городе, усиливающим неравенство проживающих в нем групп, в первую очередь, по экономическим основаниям, из чего вытекают и

все прочие ограничения проживания, мобильности, занятости и участия в принятии решений.

То, что проблематика социальной справедливости оказывается не главной, а подразумеваемой сквозной темой книги, вероятно, разочарует читателя, который хотел ознакомиться с ее преломлением в урбанистике, но в то же время делает работу еще более интересной для исследователей социального благополучия в нынешней ситуации повсеместной озабоченности поисками счастья. В научной и научно-публицистической литературе таковые имеют две формы: либо это практико-ориентированные публикации, призванные помочь читателю обрести личное счастье, исправив «неправильную» организацию или интерпретацию своей жизни; либо это «большие данные» — результаты разнообразных количественных исследований, на основе которых оценивается «счастливость» групп и даже обществ, а по итогам нормирования и ранжирования этих оценок делаются глобальные выводы о самых счастливых и несчастных странах мира.

Оба формата поисков счастья обусловлены легитимацией «эмоционального поворота» в социальных науках (эмоции — объяснительные механизмы социального поведения), который возродил, казалось бы, давно разрешенный спор о демаркационной линии между предметными областями психологии и других наук. В результате, например, субъективное (экономическое) благополучие рассматривается как в значительной мере (социально-)психологический феномен: исследователи опираются на количественные данные, но считают, что они недостаточны для оценки счастья и благополучия, потому что «деньги могут повышать субъективное благополучие, когда их смысл в преодолении бедности, но счастье мало зависит от дохода, когда он выше определенной черты, т.е. больше, чем реальные материальные запросы человека» [9. С. 8]. Книга Харви вносит еще одно уточнение в методологию оценки социального благополучия, отмечая необходимость более широкого взгляда на городское планирование — как задающее параметры территориальной дистрибутивной справедливости — и подчеркивая, что любые объективные данные (социально-пространственная дифференциация города) требуют четких концептуальных рамок рассмотрения.

Книга показывает, что нынешние реалии городского планирования можно рассматривать в политэкономическом ключе, поскольку через призму экономического (пере)распределения можно лучше понять исторически неизбежную социальную дифференциацию городского пространства, т.е. город выступает как главный объект рассмотрения, и постоянное воспроизводство социального неравенства в нем можно концептуализировать и в либеральных формулировках (первая часть книги), и в социалистических (вторая часть), но все же лучше сочетая элементы обоих дискурсов (третья часть). Такая фокусировка на городе как объекте достаточно нетипична для социальных наук, потому что городское (географическое) пространство обычно рассматривается как объективный контекст некоторой проблемы, например, паттернами

мобильности в пожилом возрасте считаются переезды «молодых пожилых» в курортные зоны и «старых пожилых» — поближе к родным, а отказ от переезда мотивируется доступной сферой социальных услуг, эмоциональной привязанностью к соседству и месту жительства: «место проживания имеет важное аналитическое значение, поскольку глобальные и локальные его особенности определяют проблемы и поведение пожилых, их семей, друзей, волонтеров, сотрудников соответствующих служб и т.д.» [11. С. 57].

Книга Харви интересна самой постановкой исследовательского вопроса — можно ли воспринимать город с позиций социальной справедливости, и этот вопрос требует серьезной концептуальной проработки и убедительных количественных данных (автор явно отдает предпочтение первой, заменяя вторые краткими описаниями кейсов). Для читателей, занимающихся изучением социального благополучия, книга в определенной мере созвучна работе Ричарда Флориды «Кто твой город?», где таковой рассматривается с позиций обретения счастья: «Место, которое мы выбираем для жизни, влияет на все аспекты нашего бытия. Оно может определять уровень нашего дохода, круг людей, с которыми мы встречаемся, друзей, которых мы заводим, партнеров, которых выбираем, и возможности, доступные нашим семьям и детям. Люди не везде одинаково счастливы, качество жизни не везде одинаково. Где-то живет рынок труда, лучше карьерные перспективы, выше стоимость жилья и надежнее вложения. Где-то более многообещающий брачный рынок. Где-то приятнее среда для воспитания детей. Место влияет на то, насколько мы счастливы и в других, менее осязаемых вещах» [8. С. 11].

Флорида полагает, что место (город) как условие счастья часто игнорируется исследователями, потому что приоритет они отдают вопросам «что делать» и «с кем», забывая, что многие слагаемые счастливой жизни — уровень заработка и образования, здоровье, подверженность стрессу, карьерные перспективы, круг общения и др. — определяются тем, где человек живет: «наряду с личными отношениями и работой место — третья опора благополучия» [8. С. 152]. Практически то же самое, что Флорида делает для места жительства как фактора счастливости, Харви пытается сделать для справедливости — показывает, что политэкономический анализ особенностей городского развития через показатели (пере)распределения доходов и пространственного планирования объясняет, как формируются (не)справедливые модели городской жизни, т.е. территориальная социальная справедливость — результат «справедливого распределения справедливым способом» (что малопонятно с позиций практической реализации).

Несколько сумбурное и затянутое начало рецензии объясняется эклектичностью книги: во Введении автор уточняет, что это сборник статей, написанных в разное время и отражающих поиски способа объединить перспективы социальной и моральной философии с проблемами материальной среды в городских центрах западного мира. В итоге книга представляет собой развитие четырех тем, которые «переплетаются, как будто кружась на

волшебной карусели» (С. 13): природа теории (автор различает теорию, революционную и контрреволюционную теории, поскольку «теория и есть практика»); природа пространства («пространство не является абсолютным, относительным или реляционным само по себе, но может принимать одну или все характеристики в зависимости от обстоятельств»); природа социальной справедливости (сопоставляется дистрибутивная справедливость либерального толка и социалистическая трактовка справедливости — как снимающая различие производства и распределения и дуализм эффективности и справедливости); природа урбанизма («урбанизм, вместе с социальными и пространственными трансформациями, составляющими его эволюцию, формирует надежную почву для социально-географической теории»). Отсутствие единого тематического стержня усугубляется отказом автора от последовательной хронологии рассматриваемых кейсов, поэтому, например, города средневековой Европы читатель встречает лишь на 317 странице книги. Однако именно эклектичность текста позволяет каждому читателю увидеть в нем что-то интересное лично для себя, а также освобождает рецензента от необходимости воспроизводства всех тематических линий и от возможных упреков в недопонимании авторской аргументации.

Итак, цель книги — «исследовать, как идеи из социальной и моральной философии могут быть связаны с географическими исследованиями... Исходной точкой стало предположение, что принципы социальной справедливости имеют прямое отношение к применению пространственных и географических принципов в городском и региональном планировании» (С. 11). Первая часть книги посвящена «либеральным формулировкам» социальной справедливости, которые основаны на утверждении, что перераспределение реального дохода в городской системе не зависит от производства. Эта часть — самая неполитэкономическая — автор сосредоточен на формулировке исследовательской проблемы: «Частично трудности, испытываемые при изучении города, порождены внутренне присущей ему сложностью. Но проблемы могут также проистекать из нашей неспособности правильно осмыслить ситуацию. Если наши концепции неадекватны или недостаточно продуманны, не стоит надеяться на то, что мы сможем адекватно распознать проблемы и сформулировать подходящие случаю политические рекомендации» (С. 25).

Харви убежден, что город не может быть адекватно концептуализирован в сложившейся системе научных дисциплин, потому что каждая «вспахивает свою борозду и живет в собственном замкнутом концептуальном мире» — нужен междисциплинарный подход, общая теория города, которая связывает социальные процессы с предлагаемой им пространственной формой. Такой подход автор видит в «наведении мостов между теми, у кого есть социологическое воображение, и теми, кто обладает пространственным сознанием, или географическим воображением» (С. 26). Подобная интеграция должна опираться на разработки тех, кто, будучи «одарен социологическим воображением, начал осознавать важность пространственного измерения социальных

процессов» (прежде всего, антропологи и экономисты), и тех, кто, будучи «воспитан в традиции пространственного восприятия, постепенно осознал, как моделирование пространственных форм влияет на социальные процессы» (городские планировщики, архитекторы и социальные географы) (С. 28–29).

Первая часть книги развивает методологическую рефлексию читателя и снимает его возможные возражения против междисциплинарного синтеза — автор убедителен в демонстрации как исторических траекторий плодотворного взаимодействия дисциплин, так и практической эффективности пространственно-социальной оптики: «Единственно адекватной концептуальной рамкой рассмотрения города является та, что вырастает из объединения социологического и пространственного воображений... Мы должны признать, что как только создается определенная пространственная форма, она стремится институционализироваться и в некотором отношении определять будущее социальных процессов (через символические качества, отражающие социальные нормы конкретной эпохи)» (С. 32). Харви признает, что его концептуальная модель еще не обладает адекватным инструментарием (мета-языком), но считает возможным использовать концепты теории города, а не отказываться от модели, которая прекрасно показывает, как скрытые механизмы перераспределения дохода в сложной городской системе увеличивают социальное неравенство.

Следует отметить, что, за исключением посвященной ей третьей главы, социальная справедливость — нечастое словосочетание на страницах книги: видимо, автор предлагает читателю самостоятельно приходиться к выводу о несправедливости городского социального порядка, описывая, как изменения в доступности и цене городских ресурсов оказываются неизбежными следствиями неотвратимого роста городов, и как влияние этих изменений на распределение доходов становится все более диспропорциональным (т.е. несправедливым). Проблема справедливости проистекает из свойств городской системы, которая содержит «рукотворные ресурсы большой экономической, социальной, психологической и символической значимости» (С. 86) — отсюда проблема контроля/распределения этих ресурсов/реального дохода, которую усугубляет коммерческая мотивация: «решения, принимаемые производителем с целью достижения максимальной прибыли и максимальной эффективности, не всегда означают максимально социально выгодное решение для потребителей» (С. 88). В итоге перераспределение реального дохода через скрытые механизмы постоянных переговоров влечет выгоды для богатых и потери для бедных: вторые буквально «пойманы пространством» и не могут использовать его как ресурс, не обладая необходимыми когнитивными навыками (образованием и опытом взаимодействия с окружающей средой). «Большинство решений, принимаемых относительно пространственного планирования городской системы, вероятно, принимаются небольшими и влиятельными олигопольными группами (или при их настойчивом давлении)» (С. 105).

Справедливость автор определяет как нормативный концепт, который должен был стать, но не стал неотъемлемой частью географического анализа, потому что последний предпочитает классическую теорию размещения, исходящую из критерия эффективности — минимизации совокупных издержек перемещения в рамках заданной пространственной системы. «Географы последовали за экономистами, переняв их стиль мышления, в котором вопросы распределения (дохода) выносятся за скобки (в основном потому, что провоцируют нежелательные этические и политические суждения)» (С. 121). Признавая, что не существует единственного и общепринятого принципа социальной справедливости, Харви предлагает сосредоточиться на такой ее трактовке, которая будет полезна для социально-пространственного анализа благодаря поиску ответов на два вопроса — что мы распределяем (доход в широком смысле слова) и среди кого/чего (например, центральная власть распределяет ограниченные ресурсы между территориями). Кстати, автор полагает, что «территориальная дистрибутивная справедливость автоматически предполагает справедливость на индивидуальном уровне» (С. 127), что вряд ли соответствует действительности.

Харви формулирует следующие принципы социально-пространственной справедливости (С. 135): пространственная организация и модель региональных инвестиций должны удовлетворять потребности населения (необходимы «социально справедливые методы определения и измерения потребностей») — разница между потребностями и распределением ресурсов «дает первичную оценку степени территориальной несправедливости»; справедливая пространственная организация и справедливое распределение ресурсов между территориями; отклонения от модели пространственной организации, основанной на территориальной дистрибутивной справедливости, допустимы для преодоления «сложных условий окружающей среды, которые иначе тормозили бы развитие системы, удовлетворяющей потребности и создающей общее благо» (дополнительные ресурсы должны идти на преодоление «отягощений физической и социальной среды» и максимизацию шансов самых бедных). Для справедливого распределения дохода (цель) необходимым и достаточным условием является применение социально справедливых способов распределения (средства), и задача состоит в том, чтобы «найти социальную, экономическую и политическую организацию, в которой бы достигался и поддерживался максимально возможный уровень жизненных шансов самых неудачливых» (С. 138). В качестве самых неудачливых могут выступать любые «объекты», поэтому речь может идти о справедливом способе создания территориальных образований (справедливое определение границ) и максимизации шансов наименее успешных регионов (справедливое распределение ресурсов).

Харви убежден, что первая часть книги ставит настолько важные вопросы, что без марксистского анализа они «увязают в беспомощном, бесформенном релятивизме, выход из которого ведет только к навязчивым

моральным проповедям... и решениям, основанным на произвольных характеристиках природы социальной справедливости». Он обращается к марксистскому анализу «не из априорного чувства присущего марксизму превосходства (хотя его мысли созвучны общим положениям марксизма и его порыву к изменениям), а потому что не может найти другого способа достижения цели» (С. 21). Во второй части книги автор последовательно показывает, как «социалистические формулировки» делают просто невозможным разговор о дистрибутивной социальной справедливости применительно к городской системе («либеральная концепция»), поскольку производство и распределение, а, соответственно, эффективность и социальная справедливость неразделимы («социалистическая концепция»). «Это не означает, что социальная справедливость должна пониматься как просто прагматическая концепция, которая может произвольно меняться, подстраиваясь под требования любой ситуации... Маркс поставил вопрос “Почему именно это мы считаем справедливым?”. И это совершенно законный вопрос [и современно-социологический], хотя и приводящий нас в смущение... И в отношении него не может быть философского ответа., а лишь ответ, проистекающий из изучения человеческой практики» (С. 19).

Во второй части книги представлены разные подходы к социально-пространственному анализу городской жизни, в частности, работы чикагских социологов, которые Харви считает вынужденно описательными, но принципиально важными, поскольку их авторы пытались выяснить, «кто чего достигает, и какие условия способствуют тому, что определенные группы оказываются в той или иной позиции (например, в гетто)» (С. 165). По мнению Харви, большинство подходов теории города недостаточны для решения самой важной для него задачи — «конструирования новой парадигмы путем глубокой и широкой критики существующих аналитических конструкций... и разработки концепций, категорий, теорий и аргументов, с помощью которых возможны гуманистические социальные преобразования» (С. 183). Он настаивает, что здесь необходим «марксистский способ рассмотрения потребительской и меновой стоимости в их диалектической связи друг с другом, предлагающий две манящие перспективы — наполнение новой жизнью географических и социологических исследований землепользования и наведение мостов между пространственными и экономическими подходами к проблеме городского землепользования, что может быть полезно в равной степени как для современной экономики, так и для современного пространственного анализа» (С. 197–198).

Несмотря на обещанный в начале книги синтез социологического и географического воображения, большая ее часть посвящена политэкономическому анализу капиталистического города, что интересно и понятно далеко не каждому читателю. Практически вся пятая, шестая и седьмая главы (более двухсот страниц) — это авторская реконструкция своего рода марксистской теории городского землепользования (ее элементы представлены и в других

главах) на основе соответствующей терминологии: город как запечатленная в застройке форма опирается на определенную технологию в контексте «господствующего способа производства», но может стать и местом зарождения «нового способа производства», поэтому «исследование урбанизма может внести значительный вклад в наше понимание социальных отношений в экономическом базисе общества, а также... политических и идеологических элементов надстройки» (С. 258).

Харви признает, что марксистская концепция способа производства слишком широка и всеохватна для «скрупулезного препарирования отношений между обществом и урбанизмом» и предлагает дополнить ее другими концептуальными инструментами — предложенными К. Поланьи тремя способами экономической интеграции (реципрокность, перераспределение и рыночной обмен), которые соотносятся с тремя способами социальной организации, описанными М. Фридом (эгалитарное, сословное и стратифицированное общество), и «могут стать простыми и работающими инструментами анализа связи между обществами и проявляющимися в них городскими формами» (С. 262). Однако Харви подчеркивает, что это лишь дополнения, а не замена марксистского анализа: во-первых, это упрощенные категоризации, требующие своей постепенной замены более тщательно проработанной системой концептов, которая отражает нюансы социально-экономической организации; во-вторых, понятия реципрокности, перераспределения и рыночного обмена лишь «дают нам в руки прочную нить, следуя которой мы можем проследить переходы от одного господствующего способа производства к другому» (С. 272).

Хотя в заключительных главах книги справедливость почти не упоминается, автор фактически предлагает два инструмента ее достижения в современном городе: с одной стороны, на застройку городов значительное влияние оказывает государственная политика, и она может сгладить наихудшие последствия рыночного обмена (например, Британия и скандинавские страны проводили политику государства благосостояния для бедных, что породило тип городской структуры, отличный от США); с другой стороны, никто не отменял реципрокность и перераспределение как способы социально-экономической интеграции в современном рыночном обществе (модели взаимной поддержки смягчают перекосы классовой и социальной дифференциации, что отражается и в пространственной структуре города).

Судя по статье «Право на город», написанной в 2008 году и включенной в книгу, Харви отдает предпочтение второму инструменту: «Право на город — это больше, чем индивидуальная свобода доступа к городским ресурсам: это право изменять себя, изменяя город. Более того, это общественное, а не индивидуальное право, поскольку такая трансформация неизбежно зависит от приложения коллективной силы к формированию процесса урбанизации. Свобода создавать и изменять наши города и самих себя является наиболее ценным, но при этом самым игнорируемым из наших человеческих прав» (С. 399). Это утверждение созвучно трактовкам субъективного благополучия/счастья,

согласно которым «для удовлетворенности жизнью человеку необходимо, в том числе, осознание того, что блага в обществе распределяются справедливо... Даже если люди имеют высокие доходы, разница между богатыми и бедными служит для них индикатором, что они живут в несправедливом, нечестном обществе» [9. С. 125]. Для Харви несправедливость распределения благ в городской жизни очевидна: «Мы живем во все более разделенных и конфликтогенных городских районах..., огороженных сообществах и приватизированных общественных местах... В развивающихся странах особенно заметно, что город разделяется на отдельные, весьма отличные составные части, в которых формируются особые “микросообщества” (богатые сообщества с доступом к эксклюзивным услугам и нелегальные трущобы без доступа к воде, электричеству и канализации)» (С. 410–411). Он считает необходимым бороться за «справедливое распределение справедливым способом», т.е., по сути, за социальное благополучие: общественные движения и местные сообщества должны противостоять попыткам «корпоративного капитала и все более предпринимательски мыслящего местного госаппарата» лишить массы прав на город и формировать его по собственному усмотрению.

Несомненно, книга Харви сложна для восприятия и требует от читателя признания марксистского подхода «путеводной линией» социально-пространственного анализа. Однако автор предоставляет читателю несколько инструментов, упрощающих чтение его работы: во-первых, можно сосредоточиться либо на концептуальных и методологических моментах, пропуская иллюстрации из городской жизни, либо, наоборот, на конкретных исторических и современных кейсах, пролистывая многочисленные страницы с обзорами теоретических подходов. Во-вторых, автор честно предупреждает читателя об ограничениях текста, признавая, что работает «неуклюже, но с большим воодушевлением», что предлагаемая им «общая характеристика принципов территориальной справедливости оставляет желать лучшего», что его «анализ достаточно сырой, это отправной пункт, который может казаться иногда слишком поверхностным, а иногда без необходимости слишком усложненным», а также предоставляя читателю право решать — либеральные или социалистические понятия формируют наиболее продуктивный подход к социально-пространственному анализу города. И, наконец, автор часто использует интересные метафоры, которые оживляют даже самые сложные и многостраничные описания, т.е. развивает не только географическое и социологическое, но и поэтическое воображение читателя: «природа пространства для социального исследователя кажется окутанной мистической пеленой»; «наша способность сплести сложное кружево аргументов вокруг концепции урбанизма»; «“нарастить плоть” на скелет базового утверждения “справедливое распределение справедливым путем”» и т.д.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

Библиографический список

- [1] *Бэнфилд Э.* Моральные основы отсталого общества. М., 2019.
- [2] *Гилберт Д.* Спотыкаясь о счастье. М., 2020.
- [3] *Моррис И.* Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М., 2017.
- [4] *Проди П.* История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.
- [5] *Селигман М.* Как научиться оптимизму: измените взгляд на мир и свою жизнь. М., 2020.
- [6] *Сен А.* Идея справедливости. М., 2016.
- [7] *Троцук И.В.* Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.
- [8] *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М., 2014.
- [9] *Хащенко В.А.* Психология экономического благополучия. М., 2012.
- [10] *Штомпка П.* Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6.
- [11] *Geographical Gerontology: Perspectives, Concepts, Approaches.* Ed. by M.W. Skinner, G.J. Andrews, M.P. Cutchin. London–New York, 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-704-714

Justice as a criterion for assessing the ‘quality’ of urban space (and the happiness of its residents)*

I.V. Trotsuk

RUDN University

Mikulkho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

The article is a review-reflection on the book by D. Harvey *Social Justice and the City* (Moscow: New Literary Review; 2018). Despite the fact that social justice is in the title of the book as its focus, the researcher of justice would be disappointed, because justice is rather a cross-cutting idea of the political-economic analysis of the spatial organization of the city; however, the results of this analysis would inevitably make the reader think in terms of ‘justice-injustice’. Such a presentation of justice together with the eclectic text can become advantages of the book for researchers of social well-being: if the place of residence is a criterion of life satisfaction, the ‘quality’ of the place of residence (including fair urban planning and the type of social differentiation of the urban space) significantly influences social well-being, which the author shows very convincingly in both liberal and socialist (in his terms) discourses, but clearly prefers the Marxist methodology supplemented by some other conceptual approaches.

Key words: social justice; urbanism; urban space; social-spatial differentiation; urban theory; interdisciplinary approach; social well-being; happiness

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective measurements of happiness: Justice as a criterion for personal and social well-being”.

* © I.V. Trotsuk, 2020.

The article was submitted on 15.04.2020. The article was accepted on 22.05.2020.